

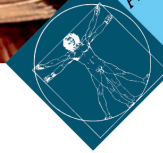
Религиоведение. 2023. № 1. С. 71–82.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2023. No. 1. P. 71–82.

DOI: 10.22250/20728662_2023_1_71

Степанова О.Б.

*Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3
stepanova67@mail.ru*

Антропология / Anthropology
религия / of Religion

«Он на куклах каждый год одёжки меняет»: домашние духи северных селькупов в прошлом и настоящем

Аннотация. Тема домашних духов северных селькупов до сих пор оставалась белым пятном в сибирской этнографии. В статье суммируются разрозненные сведения об этой категории селькупских духов, имеющиеся в научной литературе, архивных источниках и авторских полевых материалах. Результатом исследования стало всестороннее описание отношений селькупов с домашними духами, отражающее определённую часть селькупских религиозных взглядов. Характеристику отношений селькупов с семейными духами составили следующие позиции: градация и предназначение домашних духов, каноны и условия изготовления их изображений, правила содержания, хранения и степень их соблюдения, отличия в отношениях с духами у северных и южных селькупов, возможность и особенности совместного хранения домашних и шаманских духов. Было выявлено, что традиция содержания домашних духов не прерывалась и, подвергшись некоторым трансформациям, соблюдается у северных селькупов по настоящее время. Домашние духи имеются сегодня далеко не во всех селькупских семьях, но общественная вера в силу пенатов выходит далеко за пределы этого круга. Исследование селькупских домашних духов актуально не только в научном, но и в практическом плане, оно содействует сохранению традиционной культуры и формированию новой этничности селькупов.

Ключевые слова: северные селькупы, мировоззрение, религиозные верования, обряды, домашние духи, сохранение традиции, трансформация религиозных взглядов

Olga B. Stepanova

*Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
3 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia
stepanova67@mail.ru*

“He Changes Clothes on Dolls Every Year”: Domestic Spirits of Northern Selkups in the Past and Present

Abstract. The theme of the domestic spirits of the northern Selkups has been remained a blank spot in Siberian ethnography so far. The article summarizes scattered information about this category of Selkup spirits, available in academic literature, archival sources and author's field materials. The result of the study was a comprehensive description of the relationship of Selkups with household spirits, reflecting a certain part of Selkup religious views. The characteristics of relationship between the Selkups and family spirits were as follows: the gradation and purpose of household spirits, the canons and conditions for making their images, the rules for keeping, storing and the degree of their observance, differences in relations with spirits among the northern and southern Selkups, the possibility and features of joint storage of household and shaman spirits. It was revealed that the tradition of keeping household spirits was not interrupted and, having undergone some transformations, is observed among the northern Selkups to the present. Not many Selkup families have household spirits today, but the public belief in the power of the penates goes far beyond this circle.

Key words: Northern Selkups, worldview, religious beliefs, rituals, household spirits, preservation of tradition, transformation of religious views

Введение

Статья посвящена изучению домашних духов – одного из элементов религиозных верований и традиционной культуры северных селькупов. В задачи исследования входило рассмотреть причины и каноны создания изображений духов, первоначальные правила хранения и функционирования, традиции обращения с духами, связанные с ними запреты и т.д. – то есть провести анализ всех слагаемых отношений духов и их хозяев. Особый акцент в работе ставился на изучение трансформаций, которые произошли в селькупских верованиях, касающихся домашних духов, к нашему времени. В основу исследования вместе со сведениями о домашних духах, содержащимися в научной литературе, легли новые материалы, собиравшиеся автором в экспедиционных поездках к селькупам в течение последних десяти лет. Итогом исследования стала всеобъемлющая характеристика старинных изображений домашних духов в контексте традиционных и современных религиозных взглядов северных селькупов.

Религиозные представления народов Сибири, в том числе селькупов, о мире и человеке неоднократно становились объектом исследования [Природа, 1976 и др.]. Однако вопрос североселькупских домашних духов по сей день остаётся малоизученным и никем пока отдельно не рассматривался. В статье объединены разрозненные сведения о домашних духах северных селькупов, содержащиеся в научной литературе, архивах и полевых материалах автора. Библиографический список данного исследования составили общие работы по мировоззрению селькупов, которые использовались в качестве источников, из них выбирались сведения, необходимые для освещения взятой к рассмотрению темы. В таком качестве использовались труды П.И. Третьякова [1869], Г.Н. Прокофьева [1930], Е.Д. Прокофьевой [1961, 1976, 1977], Г.И. Пелих [1980], И.Н. Гемуева [1984], Л.Т. Шаргородского [1992], А.В. Головнева [1995], Э. Шапошниковой [2000], А.Д. Мухачева [2001], О.Б. Степановой [2010].

Инструментами исследования стали анализ, описание, полевая работа и ретроспективно-исторический метод.

Результаты

Вера селькупов в существование духов происходила из религиозных анимистических представлений, подразумевающих одушевление объектов живой и неживой природы. Духи в представлениях селькупов имели одновременно материальную и нематериальную сущность. Для визуализации в среднем, земном мире дух должен был воплотиться в каком-то материальном предмете, в частности, в изготовленном для него изображении. Изображение считалось плотью, телом духа, привязывало духа к его хозяевам. К свойствам духов относился полиморфизм, то есть одни и те же духи имели антропоморфную и неантропоморфную ипостаси (зооморфную, орнитоморфную, растительную, астральную, каменную, водную, железную, ветреную, гибридную и т.д.). Духи обладали сверхспособностями, магическими умениями, которые «использовались» человеком [Степанова, 2010].

Общим названием для любого духа у селькупов было слово *лоз* (варианты произношения – *лос, лози, лоси, лооз*). Изображение *лоза* считалось самым *лозом*. Деревянных духов в северной группе селькупов называли *порге* (варианты произношения – *порке, парге, порьке* и др.), реже использовали дублирующие это обозначение названия *аглалта* и *мырак*, и лишь единожды в названии духа автору встретилось слово *алага*; термины *порге* и *алага* применялись в отношении как домашних духов, так и духов местности [Степанова, 2010].

Духи, для которых в северной группе селькупов изготавливались изображения, делятся на три группы. Первая – духи-хозяева местности, их изображения вырезались на стволах деревьев, образующих святилища на родовых промысловых угодьях. Вторая – шаманские духи. Третья – духи/души умерших, чьи изображения ставились на могилах. Исследование посвящено четвёртой группе – домашним духам, подразделяемым на духов-предков, личных духов-охранителей, духов болезни и духов, которые изготавливались после смерти члена семьи и впоследствии хранились дома [Степанова, 2010].

Предназначением домашних духов была охрана благополучия дома, очага, семьи целиком и каждого её члена в отдельности, покровительство человеку и по-

мощь ему в борьбе с бедами, болезнями и злыми духами. Удачу на промысле у домашних духов просили не часто, просьбы такого рода обычно адресовались духам-хозяевам местности.

Домашние духи требовали особого к себе отношения, поэтому в каждой семье был человек, хранитель, который отвечал за содержание семейных духов. У северных селькупов хранителями были, как правило, старшие женщины семьи. «Куклы домашние – *поргэ* – хранители – деревянные. Это женские куклы и хранили их женщины. По наследству передавали, по женской линии. Если передать было некому, уносили в лес. У них просили рождения детей, здоровья. У мужчин кукол не было» (ПМА, 2004–2008). Однако, по другим данным, статус хранителя мог иметь и старший в роду мужчина. «Каждый старый держал *порге*. У каждого человека был – передавался по наследству. Но нет, не индивидуальный» (ПМА, 2004–2008).

Существовали строгие правила обращения с домашними духами. Представлялось, что духи нуждаются в почтительном отношении: их нельзя было ронять, трогать, подходить к ним и смотреть на них. Непочтительность выражалась и в других действиях – «если держишь у себя дома, нельзя вокруг дома обходить» (ПМА, 2004–2008). Селькупы верили, что нарушители этих правил будут сурово – вплоть до гибели – наказаны духами. В глазах селькупов должны были обязательно преждевременно умереть: люди, укравшие духов; новые жильцы заброшенного дома, где на чердаке остались духи, забытые прежними хозяевами; люди, случайно нашедшие домашних духов, оставленных в лесу, и т.д. [Пелих, 1998, 70] (ПМА, 2004–2008). Чтобы отвести исходящую от духов угрозу – считалось, что в первую очередь ей подвергаются дети – духов полагалось прятать: «Держат, чтобы никто не знал» (ПМА 2004–2008). Если хозяин показывал духов чужому человеку, он обязательно приносил им словесные извинения, оправдывал свои действия: «Не сердись на нас, дедушка, он только глазами на тебя посмотрел» [АМАЭ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 34].

В материалах по селькупской этнографии называется множество специальных мест, где селькупы хранили домашних духов. Выбор места для хранения изображений (или «кукол», как их ещё именуют) определялся его святостью и его безопасностью, то есть место должно было обеспечить духам максимальный комфорт, а от людей отвести угрозу случайной обиды духов. Большая часть материалов указывает на то, что домашних духов чаще держали в женской половине чума: «Есть женщины, старинные куклы держали, в чуме, где у них хранились тряпки» [Пелих, 1980, 61]. «Хранят в отдельном мешке, не показывают» (ПМА, 2004–2008). Женской считалась левая половина чума: «Максима Тамелькина баба показывала мне своих семейных (родовых?) пенатов: большой деревянный идол с ногами, увешанный бусами, цветными лоскутками, челюстями оленя, беличьими шкурками. Показав его мне, она снова завернула его в платок и поставила на место (с левой стороны от входа в чум)» [АМАЭ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 34]. По другим свидетельствам, изображения семейных духов, спрятанные в специальный ящик (сундук или короб), держали в *сыткы* – «святом» месте чума за очагом. Здесь же хранились мужские вещи – ружьё, лук и стрелы, к которым женщинам подходить было нельзя [Пелих, 1998, 67]. В третьем варианте «кукол» хранили в *кор* – свайных хозяйственных лабазах. «Несносные куклы *поркэ* хранились в *кор*, где продукты» (ПМА, 2004–2008). Наличие у северных селькупов специальных священных лабазов, которые были у южных селькупов, имеющимися по теме материалами не подтверждается. Четвёртым, тоже распространённым, местом хранения домашних духов были хозяйственные нарты (с коробом), они относились к сфере женской ответственности. Пятым местом хранения были чердаки домов, о чём уже говорилось выше. Шестое место упоминается в собранных по теме материалах лишь один раз: «шайтан», принадлежавший стряпухе из школы в Яновом Стане, висел в футляре из шкуры в изголовье её койки [АМАЭ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 46]. Святость лабазов, чердаков и нарт с коробом, как и места в чуме за очагом, определялась в верованиях селькупов не столько святостью духов, которые в них находились, сколько представлениями о делении всего окружающего пространства на зоны, принадлежащие земному и потустороннему мирам. Лабазы и чердаки, например, возвышавшиеся над землёй

или над жилым помещением, позиционировались в селькупском мировоззрении в качестве верхнего мира.

Северные селькупы изготавливали домашних духов преимущественно из дерева (в отличие от своих южных сородичей, у которых духов одинаково часто делали не только из дерева, но и из железа) – дерево само по себе считалось духом и воплощением духа. Изготовление из дерева изображения духа, по сути, лишь персонифицировало его. *Порге* по-селькупски обозначает «дух, сделанный из дерева». Селькупы вырезали изображения духов самостоятельно, в ряде случаев для «оживления» нового духа приглашали шаман, но чаще дух становился «живым» без помощи шаманского участия. «*Поркэ* шаман не оживлял, шаманов мало было. Сами делали» (ПМА, 2004–2008).

Домашние духи (и их изображения), как было сказано выше, разделялись на четыре категории: духов-предков, личных духов-охранителей, духов умерших недавно членов семьи и духов болезни. Несмотря на то, что все они должны были охранять благополучие семьи, каждая из категорий имела свои особенности.

Изображения духов-предков служили основой любого набора семейных духов и иногда были в нем единственными. Чёрный цвет дерева, из которого сделаны все известные сегодня изображения духов-предков, указывает на их более чем солидный возраст. Как свидетельствуют материалы, ни один из хранителей духов не помнил, кем и когда они были изготовлены. «Это старинный идол семьи Тамелькиных. Кто его сделал, не помнят – у прадеда уже был» [АМАЭ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 34]. В селькупском мировоззрении существует несколько божеств-прародителей, которых селькупы могли воплотить в изображениях домашних духов-предков. В первую очередь это жизненная старуха *Илынтыль-кота*, о которой писала Е.Д. Прокофьева [1961, 1976, 1977], а также множество других старух, являющихся её дублями, заместителями её образа.

Селькупские семейные духи-предки имели свои каноны изображения. Фигурки духов-предков антропоморфные, с обозначенными признаками женского пола или бесполое. У изображений, как правило, уплощённых, хорошо выражены конечности, изредка встречаются фигуры без ног, с укороченными или сделанными из ткани руками. Голова у духов крупная круглая или, реже, остроконечная¹, слегка наклонена вперёд². Лица хорошо проработаны, имеются рельефно вырезанные брови, нос, глаза и рот. Глаза часто обозначаются голубыми бусинами. Каждый дух-предок одет в кожаный наряд, максимально закрывающий фигуру, бывает, что на «куклах» надето два-три наряда – из сукна, кожи и меха, голова обшита капюшоном или повязана платком, ноги обуты в кожаную обувь. Поверх одежды фигурки часто завернуты в ситцевый лоскут. У некоторых духов на месте одного из ушей вырезана петелька, в которую продета низка бус, бисера и узкие кожаные ремешки. С.В. Иванов опубликовал несколько рисунков фигурок селькупских домашних духов-предков [1970, 113–117, рис. 101–104].

На этнографической экспозиции Красноселькупского краеведческого музея выставлено на обозрение три «классических» изображения семейных духов-предков северных селькупов (Илл. 1). Первое из них сотрудники музея называют «Женщина в чёрном сахе», потому что женщина-дух одета в чёрную длинную распашную одежду (с капюшоном/платком и поясом из хлопчатобумажной ткани). У духа овальное лицо, прямой нос, глаза сделаны из чёрной и голубой бусин. Изображение «женщины в чёрном сахе» относится к полевым сборам В.В. Рудольфа, местного краеведа и первого директора музея. В 1991 г. он умер, оставив собранные им предметы неописанными. Музейные работники с помощью своих знакомых селькупов провели исследование и установили, что «кукла» была привезена с р. Толька, она принадлежала семье Мороковых, являлась покровительницей беременных женщин и отвечала в семье за продолжение рода. «Женщины рода, когда ждали ребёнка, приносили ей подарки (ткани, украшения из бус, бисера, металлические подвески и т.д.). Мать Ф.Н. Мороковой – хранительница куклы – шила ей новую одежду, переодевала её, кормила, разговаривала с ней. Женщины просили у изображения духа-жизнедательницы благополучного, лёгкого исхода родов, здорового, крепкого ребёнка. По словам информантов, у куклы был накоплен богатый набор

Илл. 1. Изображения селькупских домашних духов на экспозиции Красноселькупского краеведческого музея. Духи стоят на фоне рисунка, изображающего домашних духов (алэлов) кетов, рисунок выполнен братом кетолога Е.А. Алексеевко в 1960-х гг. С. Красноселькуп, Красноселькупский район Тюменской области. 2016 г. Фото автора.

жертвоприношений, состоящий из одежды, бус, бисера, металлических украшений и т.д. В музей кукла поступила в том виде, в каком представлена в культовой экспозиции» [Шапошникова, 2000, 11]. Необычным в фигуре «Женщины в чёрном сахе» является высота – 40 см, что нетипично для изображений домашних духов, обычно их высота не превышает 20 см [Иванов, 1970, 112]. По двум другим духам с той же экспозиции автор детальной информацией не обладает и может дать лишь их описание. Оба духа деревянные, один высотой около 20 см, круглоголовый, зашит в комбинированную из сукна и хлопчатобумажной ткани одежду с платком/капюшоном, по краю капюшона нашиты бусины светло-зелёного и чёрного цвета. Глаза сделаны из голубых бусин, но одна из них утрачена. Понять, есть ли у духа руки-ноги, что у него надето под наружной одеждой, и имеется ли у него рот, не развернув, невозможно (с «Женщиной в чёрном сахе», кстати сказать, похожая история). Другой дух, высотой примерно 14–15 см, остроголовый, близко посаженные глаза сделаны из бусин белого цвета, на лице рельефно обозначены прямой нос, рот, брови, от глаз вверх расходятся вырезанные линии, похожие на длинные ресницы. У духа нет ни рук, ни ног, но сохранились обрывки одежды (с капюшоном) из шкуры, на шею повязана низка бус.

Особенностью двух следующих групп домашних духов северных селькупов – личных духов-охранителей и духов, посвящённых умершим людям – служит эпизодичность их изготовления. Встречаются единичные и не совсем чёткие свидетельства их наличия в североселькупской культуре, им сопутствуют сведения, где отрицается изготовление подобных изображений. В этом состоит отличие набора домашних духов у северных и южных селькупов: в южной группе селькупов такие изображения были широко распространены (но при этом тоже не являлись обязательными).

По одним сведениям, личных духов-охранителей делали ребёнку, когда ему исполнялся год (ребёнка, у которого ещё не появились зубы, селькупы не считали принадлежащим миру людей). «В год ребёнку делали куклу-охранителя, делала мать, а оживлял шаман, всю жизнь он был у человека, куклу хранила мать в своём мешке» (ПМА). По другим данным, индивидуальный дух-охранитель мог появиться у человека в любом возрасте. «Шаман может сделать такой маленький человек из дерева...и тебе даст..., ты его прятать будешь. А если бросишь, то он тебя съест – заболеешь. Вот у нашей стряпки есть такой» [АМАЭ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 46].

Выглядели изображения персональных духов-охранителей тоже очень по-разному, выделить какой-то определённый канон их изготовления не представляется возможным. «После беседы с Лыпой пошёл к стряпки, посмотреть на шайтана. В изголовье её койки на стене подвешен футляр из шкуры. Сама хозяйка показала мне содержимое этого футляра. “Перги” – кукла, окутанная в бесчисленное количе-

ство тряпья. Лицо – медная бляха с изображением глаз, рта, носа. В ушах – серьги. К кукле подвешены две беличьи шкурки. Для неё же кладётся в футляр кусочек сала дикого оленя. Все названные вещи тщательно упаковываются и прячутся в футляр («их одежда»). У самого горлышка футляра на ремешке подвешены 6 (вероятно их должно быть 7) обломков нижней челюсти оленя (с передними зубами)». Кроме *перги* в футляре находились другие духи – шаманский жезл с подвешенными к нему лоскутками материи и шкурой крота и колотушка от бубна, обтянутая с тыльной стороны мехом с лапы медведя, с внешней её стороны были вырезаны две человекообразные фигурки [АМАЭ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 46]. Нужно обратить внимание на присутствие рядом с домашним духом стряпки шаманского жезла и колотушки от бубна. Объяснить это пока непонятное сочетание предметов автор попытается ниже.

Индивидуальными духами-покровителями следует рассматривать три изображения, приобретённые в 1979 г. Тазовским отрядом Североазиатской экспедиции ИИФиФ СО АН СССР, в состав которого входил И.Н. Гемуев. «С.Р. Магичев, которому они принадлежали, рассказал о них следующее: «Я и не знал, что мне это приготовлено. Когда мне 18 лет исполнилось, из сундука мать достала и мне дала (фигурку мужчины). Когда женился – дали женское. Когда сын родился – детское дали». Фигурки, изображавшие мужчину и женщину, сделаны из свинца, на каждом из них надет комплект зимней одежды. Изображение ребёнка представлено в виде «одеяльца» с завязками и маленькими металлическими подвесками, самой фигурки не было. «Это, очевидно, не случайно, ибо человек получал такую фигурку в возрасте одного года, а новорождённым детям она не полагалась», – пишет И.Н. Гемуев [Гемуев, 1984, 106–107]. По-видимому, у селькупов всё-таки бытовала традиция, более характерная для южных селькупов: когда человек надолго уезжал из семьи, ему отдавали из семейного набора или специально изготавливали личного духа-охранителя [Пелих, 1980, 61; Пелих, 1998, 31].

При рассмотрении духов, посвящённых умершим членам семьи, главной сложностью является отделение их от духов далёких предков. В интервью, которые брались у информантов, не всегда понятно, о каком духе идёт речь – о далёком предке или относительно недавно скончавшемся родственнике. «*Порге* делают умершему. Умер кто-то, делают куклу, держат в *кор* или в женской сумке (ПМА). *Поль каглы* – хозяйственная нарта – там держат эту *порге*. Или в женском углу, спрятанной. Это как хранитель дома, очага – как домовой. Это кукла и по умершему, и домашняя» (ПМА). «Изображения тех, от кого пошёл род, – “родовой состав людей” – хранятся в специальных небольших ящиках. По умершему изготавливали куклу, их хранили в коробе, пока продолжался род. По истечению срока кукол перемещали из коробов на священные места – в берёзовые рощи, к священной лиственнице, в священные амбары. Название кукол – *порге куп* или *порге комья*. Их кормили, одевали, с ними разговаривали (если этот человек накануне приснился)» (ПМА, 2004–2008). Также легко спутать материалы по духам умерших и шаманским духам: «Умрёт остяк, иногда, по желанию покойника, отрезают у него волосы с головы и отдают шаману для прикрепления к идолу» [Третьяков, 1871, 177]. Можно высказать предположение, что у северных селькупов изображение изготавливалось лишь по тому умершему, который чем-то отличился при жизни, и чей дух/душа мог быть полезен его живым родственникам.

Следующая категория селькупских домашних духов – духи болезни. Причиной болезней человека селькупы полагали злокозненных духов, шаманы «извлекали» их из тела больного и закрепляли в специально изготовленных для этого изображениях. Считалось, что духи шамана проглатывают духа болезни и не дают ему выходить наружу: «духи шамана постоянно караулят болезнь» (ПМА, 2004–2008). «Когда человек болел, шаман говорил, что надо делать “*поргэ*” (куклу из дерева). Его отдавали шаману. Шаман разводил костер, ставил “*поргэ*” около костра и начинал шаманить. У него для этого специальный халат был. Когда он заканчивал шаманить, куклу уже называли по-другому – “*лоз има кота*”. Человек после этого выздоравливал» [Шаргородский, 1992, 111]. *Има кота* – женский дух, то же, что *Илынтель кота* – старуха прародительница селькупов, о которой говорилось выше.

Отметим, что в наборах домашних духов селькупов могло появиться также новое, «свежее» изображение духа-предка, изготовленное по случаю болезни.

Порге, посвящённое духу болезни, могло изображать этого духа болезни, а не «заглотившего» и охранявшего его духа-избавителя. Г.Н. Прокофьев оставил в своих дневниках рисунок антропоморфного духа без ног, без рук, с отогнутой назад головой, вызывающего, как считалось, эпилептические припадки, при которых голова отгибается назад; оно было дано шаманом какому-то из родственников при лечении соответствующей болезни [АМАЭ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 34]. Нужно также подчеркнуть, что когда возникала необходимость в лечении больного, селькупы не всегда изготавливали изображения духов болезни, более распространённой практикой было заключение болезнетворного духа в тело священного ему оленя.

Материалы по южной селькупской группе содержат множество описаний праздника *пори*, смысл которого заключался в кормлении и принесении жертв домашним духам. У северных селькупов, как свидетельствуют материалы, обязательными были кормления духов-хозяев промысловых угодий – в начале промыслового сезона и, если изменила промысловая удача; сведений о кормлении домашних духов в этой группе сохранилось очень мало. Одни информанты говорят, что домашних духов не кормили вовсе, другие утверждают, что кормили, но не описывают, как (ПМА, 2004–2008). У Г.Н. Прокофьева встречаются упоминания, что домашнего духа кормили дымом [АМАЭ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 34], или что пищей духа мог быть кусочек оленьего сала, положенный в «футляр», где он хранился [АМАЭ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 46].

Сопоставление нескольких имеющихся данных позволяет думать, что у северных селькупов традиция кормления и принесения жертв домашним духам тоже была, и не менее яркая, чем у южной селькупской группы, но в своё время были допущены лакуны в её фиксации. Связывалась она с праздниками весеннего и осеннего прилёта-отлёта промысловых птиц. Им предшествовала коллективная охота на уток и гусей; в последний день праздника добытая птица варилась в котлах, люди наедались досыта и обильно кормили идолов, изготовленных специально для приуроченной к празднику церемонии оживления шаманских принадлежностей [Прокофьев, 1930]. А.Д. Мухачев пишет, что во время праздничных камланий шамана присутствующие держали около груди своих домашних духов покровителей, это делало их сильнее [Мухачев, 2001, 121]. По-видимому, домашние духи тоже не оставались голодными. Позже, когда исчезли шаманы, центральным праздничным действием стало кормление духов: «В детстве в день прилёта птиц тарелку с супом ставили на селькупском столике у задней стенки чума, покрытие чума там откидывали. Или столик с супом ставили на две нарты перед или рядом с чумом. Это чтобы духи кушали и нам благоволили. Тоже гостей звали. Бульон из прилетевших уток в этот день был обязательным» (ПМА, 2015). В день прилёта уток нынешние старики жертвуют духам разноцветные ленты, привязывая их к ветвям берёзы (ПМА, 2015).

По сведениям А.В. Головнева, на празднике встречи уток – *порый апсэ* (в его названии сочетаются понятия *поры* – помост, верхняя жертва, и *апсэ* – приношение) *порге* – домашние духи-покровители одеваются в новые наряды [Головнев, 1995, 245]. Переодевание домашних духов каждую весну – широко распространённая и «живучая» североселькупская традиция. Новые одежды (обычно лоскут из нового ситца, в который заворачивалось изображение духа) представляли собой календарную жертву духам. Принимая во внимание другие материалы, духам делались жертвы не только календарные, но и «по заслугам», например, после благополучных родов одаривался женский дух, помогающий беременным женщинам, о чём уже говорилось выше. Жертвами домашним духам были лоскуты/ленты ткани, низки бус и бисера, металлические украшения, шкурки разных зверей, монеты и т.д.

После смерти хозяев судьба домашних духов была немного разной. Духов болезни и личных духов-охранителей уносили в лес и там оставляли под деревом, часто следующее поколение хозяев так же поступало с духом умершего сравнительно недавно родственника (если дух его не проявил особую силу, или если вышел определённый срок хранения «куклы»). Только изображения духов-предков – охранителей семьи и рода – всегда передавали по наследству из поколения в поко-

ление. Но и они могли оказаться в лесу – когда род прерывался, умирал последний в роду человек, родовые духи тоже «умирали», и их положено было хоронить соответствующим способом. «В советское время в семьях хранили домашних *лозов – аглалда, порьга*. Если семья прекращалась, уносили в лес» (ПМА, 2004–2008).

Во время экспедиционных поездок автору трижды удалось своими глазами увидеть «действующих» домашних духов, хранящихся в селькупских семьях. Связанные с осмотром реликвий обстоятельства, вид самих изображений и наблюдения за отношением к ним хозяев расширили поле материалов по проблеме и добавили к ним сведения о её современном состоянии.

До наших дней домашние духи дожили в немногих семьях, их по-прежнему полагается прятать, причём, по мнению некоторых селькупов, даже тщательнее, чем раньше, поскольку в разы возросла плотность окружения селькупов чужеродным элементом. Этим объясняется, почему хозяева подобных изображений на просьбы об их осмотре чаще отвечают отказом – данная традиция соблюдается как никогда строго.

Автору удалось уговорить на осмотр лишь трёх владельцев. Собственно, первого владельца, молодого современного во всех смыслах селькупа из села Толька (красноселькупская), уговаривать не пришлось, его духи хранились в школьном краеведческом музее. Однако, когда через полгода после нашего посещения музея умерла его директор, хозяин забрал оттуда духов и спрятал их дома, подальше от чужих глаз, т.е. духи вернулись в русло традиции. По словам владельца, между ним и духами установилась тесная связь, которая мешала его душевному спокойствию, но избавляться от духов он не собирался. Раньше изображения духов принадлежали бабушке владельца, А.А. Баякиной, 1943 г.р., хранительнице селькупских (точнее – селькупско-эвенкийских) традиций (ПМА, 2012).

Изображений духов было два, они представляли собой антропоморфную пару – Бабушку и Дедушку (Илл. 2). По Дедушке никакой уточняющей информации не сохранилось, Бабушка являла собой дух Огня. Изображения духов выполнены в традиционном стиле: остроконечные головы, заострённые книзу туловища, отсутствие рук и ног, на лицах вырезаны надбровья, носы, рты; глаза сделаны из бусинок – у Бабушки красных, у Дедушки голубых. На Дедушке надета одежда из чёрной ровдуги, её нижний край порезан на бахрому, на туловище повязаны три полосы ткани; на ту полосу, которая является поясом, привешена низка бус, бусы также украшают дедушкину шею. Бабушка одета в одежду из ситца с рисунком в красных тонах, к ней привязаны красные шёлковые ленты, шея охвачена ожерельем из когтей орла и кожаных ремешков с голубыми бусинами на концах. По словам хозяина, когда он получил духов, на Бабушке был платок, но он не сохранился. Этот первый осмотр домашних духов состоялся в 2012 г.

Второй раз изображение селькупского домашнего духа было осмотрено автором в 2015 г. на стойбище Белый Яр, что в верховьях р. Толька (ПМА, 2015). Хранителем духов был старший мужчина в семье Георгий Силантьевич Чекурмин, 52-х лет. Другим членам семьи, даже взрослым, открывать ящик с духами категорически запрещалось. Духи были представлены автору как шаманские, условием их показа стала немаленькая денежная плата.

В этой семье когда-то было много сильных шаманов, в частности, в поколении дедов Георгия. Георгий не смог точно назвать хозяина демонстрируемых вещей, по его словам, они принадлежали не то его деду Андрею Ивановичу Чекурмину,

Илл. 2. Изображения селькупских домашних духов Бабушки (духа Огня) и Дедушки. Село Толька, Красноселькупский район Тюменской области. 2012 г. Фото автора.

не то дедову брату, тоже шаману, Игнату Ивановичу Чекурмину. До Георгия хранителем реликвий был его отец Силантий Чекурмин.

Священные вещи хранились в деревянном сундуке, висящем на кедре в километре от стойбища – «чтобы дети маленькие не крутили, не топтали». Вблизи кедра на молодой берёзке были подвешены три «сторожевых» шаманских духа (из железа) и пожертвованные им приклады в виде длинных лент белой (новой) материи.

В сундуке лежало два тряпичных свёртка из новой вельветовой ткани. В первом свёртке хранились исключительно шаманские вещи (суконный шаманский головной убор, колотушка, несколько железных изображений духов, камень, медные круглые подвески). Изображение домашнего духа находилось во втором свёртке, помимо вельвета оно было завернуто ещё в отрез из красного ситца.

Этот домашний дух, по словам его хозяина, был Дедушкой (Илл. 3). Дедушка представлял собой плоское деревянное антропоморфное изображение с большой круглой слегка заострённой на макушке головой. Изображение имело хорошо выраженные нижние конечности и рельефно обозначенные на плоскости туловища руки. На слегка вогнутом лице ямками были обозначены глаза и рот, рельефно вырезаны нос и брови. Линия бровей обозначала также нижний край волосистой части головы или же шапки, волосы или мех шапки изображались волнистыми линиями. На шею Дедушки была намотана низка синих бус. На месте левого уха в голове Дедушки находилась прорезанная петелька, к которой были привязаны низка бисера и цепочка, заматанные вокруг шеи. Бусами, цепочкой и бечёвкой к телу духа прижимались два железных духа-помощника – зооморфного и орнитоморфного вида. Они выдавали наличие у духа также звериной и птичьей ипостасей. Вместе с Дедушкой в свёртке хранилось его имущество – ножик с ножнами, два пояса и нитка бисера.

Одежда на Дедушке отсутствовала – «когда-то была, но порвалась». Георгий сказал, что давно планировал сшить духу новую одежду из кожи, но всё времени на это не хватало, что, по правилам, шить одежды духам должна женщина, однако жена и мать его давно умерли, поэтому он ухаживает за духами, обновляя ткань, в которую их заворачивает.

Нужно заметить, что Дедушка имеет вид типичного домашнего духа, но, по сообщению владельца, он шаманский дух. Это противоречие можно объяснить следующим образом: у шаманов в семье тоже были домашние духи, одновременно считавшиеся шаманскими; отделить домашних духов от шаманских в шаманской семье практически невозможно. После смерти последнего шамана в роду Чекурминых Дедушку, скорее всего, использовали только в качестве домашнего духа. Подтверждением тому, что шаманских духов селькупы часто хранили вместе с домашними, служит вышеприведённый пример, взятый из материалов Г.Н. Прокофьева: стряпка из школы в Яновом Стане держала своего духа в одном футляре с несколькими шаманскими инсигниями (по-видимому, унаследованными ей от какого-то шамана её рода). Можно также предположить, что между сосредоточенными в одном месте домашними и шаманскими духами имела какая-то вассальная зависимость.

Чекурминского духа-Дедушку зовут *Тылай Ильджя*, т.е. *Тылай-дедушка*. Когда-то у него была пара – «кукла, чучело» *Имья Алага*, т.е. *Бабушка-дух*, но в конце 1980-х гг. её «утацил» местный краевед, собирающий вещи для музея. Сегодня Дедушка – главный дух среди реликвий семьи. Георгий использует его по прямому назначению: он разговаривает с ним, «молится» ему, обращается к нему

Илл. 3. Изображение селькупского шаманского/домашнего духа Дедушки Тылай Ильджя. Стойбище Белый Яр, верховья р. Толька, Красноселькупский район Тюменской области. 2015 г. Фото автора.

с просьбами, и дух ему помогает. Общение их начинается, когда Георгий снимает с дерева ящик. Так было во время устроенного в честь автора демонстрационного сеанса: разматывая держащую сундук проволоку, Георгий сказал несколько слов селькупски и перевёл: «Я сказал, пускай эта бабушка тебя посмотрит, не делай ей плохо. Предупредил». Заворачивая Дедушку обратно в тряпки, он произнёс: «Плохо тебя ничё, не обидел...» (ПМА, 2015).

Функции духа и правила обращения с ним проясняются из следующего рассказа Георгия: «Кто меня обидит, приду, помолюсь, руками он уберёт человека. Этот без меня меня защитит. Сундучок специально на кедре висит. Я здесь повесил, чтобы... Никто здесь не ходит. В стороне. Кто-то здесь проехал, туда, обратно. Возле дома хранить не положено. Или олени потеряются, например, зимой, осенью. Схожу, помолюсь, посижу. Недели через две олени придут. Нынче зимой 15 голов потерялись. Весь лес объездил. Пришёл, посидел, бутылку взял, вылил. Сам-то не пью, вообще не пью. Новый год прошёл, по зимнику домой еду, по зимнику оленей перегоняю. Домой приезжаю. Что за олени там ходили? По снегу завалились, с неба завалились. Все по следам олени там. Вот так. Вот такой Дед у меня. Кто меня обидит... Пришёл, посидел, поговорил. Мне мента не нужно. Через неделю это мне, как кто руками всё снесёт...» (ПМА, 2015).

Третьего духа автор осмотрела в 2018 г. на стойбище семьи Куболевых на р. Б. Ширта (ПМА, 2018). Хранителем его был Фёдор Иосифович, 1967 г.р., хранительские обязанности ему передал его старший брат Геннадий Иосифович, который, состарившись, переехал жить в посёлок. Автор получала разрешение на осмотр и фотосъёмку духа в посёлке у старшего брата. За осмотр духа, не по условию владельцев, а по предложению автора, также были заплачены деньги.

Старинное изображение духа у Куболевых было единственным, оно не имело сопровождающих предметов и хранилось в свайном хозяйственном лабазе для продуктов, где стояло на коробке с макаронами рядом с эмалированным тазиком для замешивания теста. Назывался дух *porge* и являлся Бабушкой (Илл. 4), селькупски *Има кот*, собственного имени оно не имело (или имя было давно забыто). Бабушка считалась духом-охранителем семьи и отвечала за здоровье и благополучие её членов. У изображения была круглая голова и хорошо выраженные руки и ноги.

Раз в год, весной, хранитель по обычаю переодевал Бабушку – делал ей новый ситцевый наряд. Одежда представляла собой простой кусок ситца, в который заматывалось изображение, отдельно на голову изображения повязывался платок. Прошлогодняя одежда духа при этом выбрасывалась, постоянно на духе оставался только тот наряд, который был на него надет, когда его изготовили. Он был сделан из шкуры россомахи и плотно подогнан по фигуре, в частности, по голове, которую он укрывал в виде капюшона. Родители нынешних старших Куболевых хранили Бабушку в хозяйственной нарте (с коробом) и всюду возили с собой. Геннадий с Фёдором жили уже в другом режиме, и поэтому Бабушка у них стояла в лабазе. Раньше хранителем Бабушки была их мать. Бабушка, сколько братья себя помнили, всегда была одна, других изображений в семье не имелось. Как сказал Фёдор, «сейчас такие старинные изображения редко у кого есть, у меня, да там, наверное, ещё у нескольких, да на Ватыльке, я не знаю, держат, не держат. Раньше приезжали, собирали такие изображения, люди сдавали. Сейчас мало осталось. Мы не сдавали» (ПМА, 2018).

На вопросы автора – можно ли вязать на духа ленточки, почему у духа чёрное лицо, из че-

Илл. 4. Изображение селькупского домашнего духа Бабушки. Стойбище на р. Большая Ширта, Красноселькупский район Тюменской области. 2018 г. Фото автора.

го сделаны глаза, что говорят духу, когда меняют на нём одежды и т.д. – хранитель не ответил (при том, что в разговорах на другие темы он болтал без умолку). Посмотреть, что у духа внутри, под ситцевым покровом, автору не разрешили и духа быстро спрятали, сеанс осмотра длился не более пяти минут. Было заметно, что показ духа чужому человеку отдавался в душе хранителя страхом и болью.

К описанию осмотренных автором «действующих» домашних духов нужно добавить, что кормления их не проводятся, также нельзя унести пенатов подалеже в лес и там оставить – пока не прервался род, их надо обязательно хранить.

Сегодня о чьей-то приверженности традициям у селькупов часто говорится фразой «он на куклах каждый год одёжки меняет», фраза выражает согласие с образом жизни этого человека, мысленное соучастие, присоединение к его действиям. Кроме того, современное селькупское общество строго соблюдает запреты, касающиеся обращения с чужими духами: не подходить, не трогать, не смотреть, держаться подалеже, не говорить о духах плохо. Среди селькупов постоянно рассказываются пугающие истории о смерти и несчастьях тех людей, кто нарушил правила, или бедах, постигших ни в чём не повинных членов их семей. Всё это вместе взятое свидетельствует о сохранении у селькупов коллективной веры в духов, их магическую силу и способности ясновидения.

Заключение

Итак, в исследовании на основе опубликованных и неопубликованных материалов были собраны и обобщены сведения об одной из категорий североселькупских духов – домашних духах. Были рассмотрены с разных ракурсов селькупские отношения с духами: названы истоки селькупских представлений о духах, мотивы и каноны изготовления их изображений, перечислены селькупские названия домашних духов, приведена иерархия духов с описанием каждой из категорий, перечислены необходимыми пояснениями правила обращения с духами (включая кормление и захоронение), отмечены общие моменты в хранении простых и шаманских домашних духов, выявлены особенности отношений с духами у северных и южных селькупов.

Относительно современного состояния традиции содержания домашних духов было установлено, что она жива, но принимает новые формы. Традиция лишилась элемента шаманского участия, сузился круг её последователей, некоторые остающиеся в её русле адепты допускают определённые нарушения из меркантильных соображений. Соблюдением традиции содержания домашних духов и согласием с ней подавляющего большинства в селькупском обществе подтверждается сохранность у современных селькупов веры в духов.

Библиографический список

1. Гемуев, И.Н. Семья у селькупов (XIX – начало XX в.) / И.Н. Гемуев. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1984. – 156 с.
2. Головнев, А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров / А.В. Головнев. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
3. Иванов, С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX вв. / С.В. Иванов. – Л.: Наука, 1970. – 295 с.
4. Мухачев, А.Д. Путешествие в мир оленеводов / А.Д. Мухачев. – Новосибирск: Наука, 2001. – 397 с.
5. Пелих, Г.И. Материалы по селькупскому шаманству / Г.И. Пелих. // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 5–70.
6. Пелих, Г.И. Селькупская мифология / Г.И. Пелих. – Томск: ТГУ, 1998. – 79 с.
7. Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – 333 с.
8. Прокофьев, Г.Н. Полевой дневник / Г.Н. Прокофьев // Архив МАЭ РАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5, 14.
9. Прокофьев, Г.Н. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов / Г.Н. Прокофьев // Известия ЛГУ. – Л.: ЛГУ, 1930. – Т. II. – С. 365–373.
10. Прокофьева, Е.Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов / Е.Д. Прокофьева // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Сборник МАЭ. – Л., 1977. – Т. 33. – С. 66–79.

11. Прокофьева, Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) / Е.Д. Прокофьева // Сборник МАЭ. – М.-Л., 1961. – Т. 20. – С. 54–74.
12. Прокофьева, Е.Д. Старые представления селькупов о мире / Е.Д. Прокофьева // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 106–128.
13. Степанова, О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе / О.Б. Степанова. – СПб., Абакан: Петербургское Востоковедение, Издательский дом «Пантеон», 2010. – 303 с.
14. Третьяков, П. И. Туруханский край, его природа и жители / П.И. Третьяков. – СПб.: Тип. Безобразова, 1871. – 316 с.
15. Шапошникова, Э. Мировоззрение селькупов и ненцев в экспонатах краеведческого музея / Э. Шапошникова // Северный край. – 2000. – № 38. – С. 11–12.
16. Шаргородский, Л.Т. Погребальный обряд тазовских селькупов / Л.Т. Шаргородский // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Екатеринбург: Институт истории и археологии, 1992. – С. 110–118.

Текст поступил в редакцию 05.12.2022.

Принят к печати 06.02.2023.

Опубликован 30.03.2023.

¹ С.В. Иванов писал, что данный тип остроголовой скульптуры, характерный для ненцев, встречается также у других народов самодийской группы – нганасан, селькупов и др., но занимает у них второстепенное место и является реликтовым [Иванов, 1970, 124].

² Что, как считает С.В. Иванов, составляет характерный признак многих селькупских (а также кетских) изображений [Иванов, 1970, 113].

References

1. Gemuev I.N. *Sem'ya u sel'kupov (XIX – nachalo XX v.)* [The family of the Selkups (19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoye otdeleniye, 1984, 156 p. (In Russian).
2. Golovnev A.V. *Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: UrO RAN, 1995, 606 p. (In Russian).
3. Ivanov S.V. *Skul'ptura narodov Severa Sibiri XIX – pervoy poloviny XX vv.* [Sculpture of the peoples of the North of Siberia in the 19th – the first half of the 20th centuries]. Leningrad: Nauka, 1970, 295 p. (In Russian).
4. Mukhachev A.D. *Puteshestviye v mir olenevodov* [Journey into the world of reindeer herders]. Novosibirsk: Nauka, 2001, 397 p. (In Russian).
5. Pelikh G.I. *Etnografiya Severnoy Azii* [Ethnography of North Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1980, pp. 5–70 (in Russian).
6. Pelikh G.I. *Sel'kupskaya mifologiya* [Selkup mythology]. Tomsk: TGU, 1998, 79 p. (In Russian).
7. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa* [Nature and man in the religious ideas of the peoples of Siberia and the North]. Leningrad: Nauka, 1976, 333 p. (In Russian).
8. Prokofiev G.N. *Putevoy dnevnik* [Field diary]. Archive of the MAE RAS. Fund 6. Inventory 1. Files 5, 14 (in Russian).
9. Prokofiev G.N. *Izvestia LGU* [Bulletin of Leningrad State University]. 1930, (II), pp. 365–373 (in Russian).
10. Prokofieva E.D. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of works of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow-Leningrad: Nauka, 1961, vol. 20, pp. 54–74 (in Russian).
11. Prokofieva E.D. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa* [Nature and man in religious representations of the peoples of Siberia and the North]. Leningrad: Nauka, 1976, pp. 106–128 (in Russian).
12. Prokofieva E.D. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of works of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad: Nauka, 1977, vol. 33, pp. 66–79 (in Russian).
13. Stepanova O.B. *Traditsionnoye mirovozzreniye sel'kupov: predstavleniya o krugovorote zhizni i dushe* [The traditional worldview of the Selkup: ideas about the cycle of life and soul]. St. Petersburg, Abakan: Peterburgskoye Vostokovedeniye, “Panteon” Publ., 2010, 303 p. (In Russian).
14. Tret'yakov P.I. *Turukhanskiy kray, yego priroda i zhiteli* [Turukhansk region, its nature and inhabitants]. St. Petersburg: Bezobrazova Press, 1871, 316 p. (In Russian).
15. Shaposhnikova E. *Severnyy kray* [Northern land]. 2000, no. 38, pp. 11–12 (in Russian).
16. Shargorodsky L.T. *Model' v kul'turologii Sibiri i Severa* [Model in cultural studies of Siberia and the North]. Yekaterinburg: Institute of History and Archeology, 1992, pp. 110–118 (in Russian).

Submitted for publication: December 05, 2022.

Accepted for publication: February 06, 2023.

Published: March 30, 2023.